



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

### **Usage guidelines**

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

### **About Google Book Search**

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



HARVARD  
COLLEGE  
LIBRARY

# ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ

1870.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СЛII,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня



В. Голубина

ВЛАДИМИРСКИЕ, ДОМЪ № 16.

1870.

## СОДЕРЖАНІЕ.

### ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

- Замѣчаніе о нашихъ былинахъ . . . . . М. П. ПОГОДИНА.
- Комическая опера Екатерины II: „Горе-Бога-  
тырь“ . . . . . А. Г. ВРИКНЕРА.
- Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850  
годъ. (Окончаніе) . . . . . А. Н. ПОПОВА.
- Реликвиі Иосафата Кунцевича. . . . . ЛЬКАРЯ И. СИКОРСКАГО.
- Извѣстія о дѣятельности русскихъ ученыхъ  
обществъ и учрежденій.
- Критическія и библиографическія замѣтки:**
- Западнорусскія археографическія изданія послѣдняго  
времени. (Окончаніе). . . . . М. О. КОЯЛОВИЧА.
- Prooemium, quo scholas suas, de Historia Litterarum  
Romanarum in Caesarea Litterarum Universitate  
Charcoviensi habendas, aperuit *A. L. Döllen*, Char-  
coviæ. Typis Universitatis Caesareæ Charcoviën-  
sis. MDCCLXIX . . . . . И. ЦВѢТАЕВА.
- Гимназіи и приготовительная школа въ Гер-  
маніи. (Окончаніе). . . . . Г. ГУЛЕВИЧА.
- О такъ-называемыхъ историческихъ семина-  
ріяхъ при университетахъ Германіи . . . А. Г. ВРИКНЕРА.
- Лицей Цесаревича Николая. . . . . Z.

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.  
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

} (См. на 8-й стр. обѣртки).

---

---

## КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА ЕКАТЕРИНЫ II: «ГОРЕ-БОГАТЫРЬ».

Война 1788—1790 гг. между Россіей и Швеціей была не только борьбою между двумя государствами, но еще болѣе столкновеніемъ между двумя государями. Какъ настоящіе представители періода просвѣщеннаго абсолютизма, Екатерина II и Густавъ III при этомъ случаѣ берутъ на себя всю отвѣтственность за свои предпріятія. Они одни владѣютъ инициативою, распоряжаются даже и въ отношеніи къ подробностямъ и мелочамъ дипломатіи и тактики. Ненавидя лично другъ друга въ это время, они сами неутомимо трудятся и подвергаются разнаго рода опасностямъ для достиженія своихъ цѣлей. Они не только сражаются вооруженною рукою, но и въ области литературы преслѣдуютъ другъ друга.

При значительномъ талантѣ, при большомъ мужествѣ, при довольно здоровомъ пониманіи своихъ задачъ, Густавъ, взявъ на себя роль монарха-диктатора, былъ такимъ же актеромъ, какимъ онъ бывалъ на сценѣ своего придворнаго театра, гдѣ любилъ самъ участвовать въ драматическихъ представленіяхъ. И въ области политики, и на полѣ битвы онъ былъ не болѣе какъ дилетантомъ. Современники не видѣли въ его образѣ дѣйствій настоящаго героизма и достаточной серіозности; онъ производилъ скорѣе впечатлѣніе способнаго и смѣлаго экспериментатора, чѣмъ дѣйствительно дальновиднаго государственнаго человѣка. Въ его политическихъ предпріятіяхъ обнаруживается любовь къ опасностямъ, напоминающая гораздо болѣе страсть и отчаяніе азартнаго игрока, чѣмъ искусство дипломата или самоотверженіе воина-патріота. Настоящее величіе замѣняется у него иногда театральнымъ пафосомъ и громкою фразой. Вслѣдствіе такихъ свойствъ своего характера Густавъ III, въ продолженіе войны съ Екатериной, подавалъ поводъ къ остроумнымъ и колкимъ выходкамъ со стороны императрицы, смѣявшейся надъ королемъ Шведскимъ и въ тѣсномъ кругу эрмитажа, и въ письмахъ

своихъ къ литературнымъ знаменитостямъ того времени, и наконецъ, въ политическихъ брошюрахъ, въ стихахъ и прозѣ, въ комедіяхъ и операхъ.

Дѣятельность Екатерины во время войны съ Густавомъ III была изумительна. Она заботится обо всемъ, знаетъ все, рѣшаетъ всѣ дѣла. Остерманъ и Везбородко, Нассау-Зигенъ и Мусинъ-Пушкинъ, Разумовскій и другіе ждутъ ея повелѣній, исполняютъ ея желанія. Она дѣйствуетъ здѣсь неутомимѣе, самостоятельнѣе, чѣмъ когда-либо, тѣмъ болѣе что Потемкинъ въ то время былъ занятъ восточнымъ вопросомъ. Не покидая своихъ любимыхъ литературныхъ занятій, императрица тщательно изучаетъ карту Финляндіи, чтобы составить себѣ подробное понятіе о положеніи тамошнихъ дѣлъ. Въ то же самое время она занята сочиненіемъ стиховъ и комедій и дипломатическою корреспонденціей; переписывается съ Гриммомъ и Циммерманномъ по поводу разныхъ новыхъ книгъ и между тѣмъ дѣлаетъ распоряженія о самыхъ частныхъ дѣлахъ касательно войска и флота.

О серьезности положенія дѣлъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1788 года, когда ежедневно ждали извѣстій о взятіи Густавомъ Фридрихсгамской крѣпости и о приближеніи Шведскаго короля къ столицѣ, французскій посланникъ Сегюръ разказываетъ слѣдующее: „Разнесся слухъ, что во дворцѣ тревога, что тамъ укладываютъ все, серебро, драгоценности, брилліанты, бумаги изъ кабинета, что вездѣ подготовлены лошади, и что государыня, испуганная и безъ средствъ защиты, уѣдетъ ночью въ Москву. Въ эту критическую минуту затруднительно было положеніе иностранныхъ министровъ. Каждый изъ нихъ держалъ на готовѣ курьера, боясь еще послать ложное извѣстіе, если не исполнятся ожиданія; съ другой стороны, смѣшно же было не извѣщать свое правительство о такомъ происшествіи и ждать для этого, чтобы оно совершилось. Находясь въ подобной неизвѣстности, я отправился въ эрмитажъ, въ надеждѣ, что неосторожное слово или счастливый случай разсѣять мои сомнѣнія. Такъ и случилось. Только - что императрица увидѣла меня, какъ подозвала къ себѣ. Поговоривъ сперва о вещахъ ничтожныхъ, она сказала мнѣ потомъ: „Дипломаты, вѣроятно, теряются теперь въ предположеніяхъ; много слышно толковъ въ городѣ?“ На этотъ вопросъ я рѣшился отвѣтить нѣсколько рѣзкимъ оборотомъ мысли, стараясь притомъ замѣтить впечатлѣніе, какое произведутъ мои слова: „Разнесся слухъ, ваше величество“, сказалъ я, „слухъ очень важный, очень странный, но передаваемый за вѣрное, что вы въ эту или слѣдующую ночь уѣдете въ Москву“.

„Что жь, вы повѣрили, графъ?“ сказала императрица съ невозмутимымъ равнодушіемъ.

„Государыня, источникъ этого слуха даетъ ему нѣкоторую вѣроятность; но зная васъ, я сомнѣваюсь“.

„И хорошо дѣлаете“, возразила государыня: „слушайте: я приказала выставить на всѣхъ станціяхъ по дорогѣ въ Москву по 500 лошадей, чтобы перевести сюда войска, которыя я вытребовала: вотъ изъ чего вышли эти толки. Я не ѣду, будьте увѣрены. Я знаю, что ваши товарищи - дипломаты теперь въ немаломъ затрудненіи и не знаютъ, на что рѣшиться, писать имъ или молчать? Я выведу васъ изъ затрудненія: вамъ дѣло виднѣе, чѣмъ другимъ. Пишите же вашему двору, что я остаюсь въ столицѣ, и что если я выѣду отсюда, такъ только на встрѣчу королю“.

„Какъ бы то ни было: она осталась“ <sup>1)</sup>.

Мы знаемъ однако, что Екатерина только казалась спокойною, и что она сама, равно какъ и многіе современники этихъ событій, считали положеніе Петербурга опаснымъ. Въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ ея о Густавѣ III, котораго она называла „l'émule du héros de la Manche“, „полумумнымъ“, „смѣшнымъ“, даже „бестіей“ <sup>2)</sup>, высказывается сильное волненіе и негодованіе, которое усиливалось по мѣрѣ того, какъ Густавъ III успѣвалъ въ своемъ предпріятіи.

Зато извѣстіе о состоявшейся въ Финляндіи конфедераціи противъ войны и короля измѣнило все къ лучшему. Заботы прекратились, и Екатерина могла возвратиться къ своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ; предметомъ ихъ теперь сдѣлался тотъ же Густавъ III.

Въ числѣ главныхъ обязанностей, лежавшихъ на А. В. Храповицкомъ, который во время шведской войны занималъ при Екатеринѣ должность статсъ-секретаря, было переписываніе стиховъ и вообще литературныхъ произведеній императрицы. По временамъ онъ дѣлалъ ночи долженъ былъ посвящать этому труду и никогда не забывалъ записывать въ свой дневникъ всѣ замѣчанія и выраженія благодарности Екатерины при передачѣ ей обыкновенно утромъ „при волосочесаніи“, такихъ переписанныхъ бумагъ. И въ эпоху шведской войны онъ сообщаетъ много подробностей о литературной дѣятельности Екатерины.

Въ тотъ самый день, когда въ Петербургъ получили извѣстіе объ отступленіи Шведовъ вслѣдствіе образованія конфедераціи, 27-го іюля,

<sup>1)</sup> *Séjour, Mémoires et souvenirs*, III, 299—301.

<sup>2)</sup> Записки Храповицкаго, *passim*.

Храповицкій „переписывалъ французскіе стихи на короля Шведскаго“. 29-го іюля Екатерина читала ему начало комической оперы „Кославъ“. „Тутъ представляется приготовленіе на войну короля Шведскаго“. Екатерина сказала: „Не знаю, какъ кончу, вчера только написала, чтобы разбить мысли“. 16-го августа у Храповицкаго сказано: „Послѣ обѣда прислали ко мнѣ, чтобы списать двѣ копии со стиховъ на короля Шведскаго, кои переписывалъ 27-го іюля; я списалъ три копии и послалъ въ пакетъ“. 17-го августа: „О перепискѣ вчерашней французскихъ стиховъ ничего не сказано“. 20-го августа: „Видѣлъ на столѣ, что пишутъ по французски „Marton et Crispin“: должна быть комедія“. 21-го августа: „Прочли мнѣ не конченную еще *proverbe*, гдѣ „Marton et Crispin“. Тутъ много соли и относится къ войнѣ Шведской“. 27-го августа: „Въ 7-мъ часу прислали переписать *proverbe*: „Les voyages de M-e Bontemps“; кончится: „a beau mentir, qui vient de loin“. Тутъ Кристинъ разказываетъ о походахъ и *морскомъ сраженіи* <sup>1)</sup>. Приказано отдать актерамъ, чтобы въ Александровъ день сдѣлать сюрпризъ и сыграть у графа Мамонова въ комнатѣ. — Улады дѣло съ барономъ Ванжуромъ <sup>2)</sup>, кончилъ переписку во 2-мъ часу за полночь“. 28-го августа: „Возвратилъ пьесу съ запиской объ исполненіи; похваленъ за исправность... При отдачѣ сказалъ: „Crispin dans le récit du combat naval ment plus agréablement que le prince Charles“ <sup>3)</sup>. Усмѣхнулись“.

По болѣзни графа Мамонова отложили представленіе *proverbe*, а между тѣмъ Екатерина уже занялась новымъ трудомъ. 11-го сентября Храповицкій пишетъ: „Приказали отыскать сказку о Фуфлыгъ-богатырѣ, чтобы, прибавя къ ней l'histoire du temps, сдѣлать оперу. Сказки сей не нашли“. Между тѣмъ, 19-го сентября сыграли вышеупомянутую *proverbe* у Мамонова. Актерамъ дано по 200 руб. каждому. Далѣе въ это время императрица сочинила еще комедію „L'insouciant“ и „La rage aux proverbes“. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій были отправлены къ Гримму, а затѣмъ продолжались занятія комедіей о Фуфлыгѣ. 21-го октября Храповицкій пишетъ: „Для составленія оперы о Фуфлыгѣ поднесъ „Взду въ островъ любви“, „Дейдамію“ и трагедію Ломоносова, изъ коихъ надобенъ „Мамай“. Сказано: „Будеть хорошо“.

<sup>1)</sup> Въ насѣшкѣ по поводу Гогландской битвы, 6-го іюля, которую Шведы считали побѣдою надъ Русскими.

<sup>2)</sup> Тогдашній придворный композиторъ.

<sup>3)</sup> Братъ Густава III, Карлъ Сюдерманландскій, былъ главнокомандующимъ шведскаго флота.



22-го ноября: „Прочли начало известной оперы; *Фуфлмиа* не годится, надобно другое имя; графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ придумаетъ. Миѣ дадутъ дѣлать стихи, и я сказалъ, что буде угодно назначить только содержаніе въ прозѣ, то сдѣлать можно арію“: 23-го ноября: „По вчерашнимъ словамъ для имени героя подавъ нѣсколько анаграммъ изъ Густава“ и арію, начинающуюся „Геройствомъ надуваюсь“; она похвалена, и я поцѣловалъ ручку. Сказали, что отдадутъ миѣ дѣлать стихи“. 24-го ноября: „Герою известному имя еще не найдено“. 26-го ноября: „Предъ известною оперою рѣшились напечатать сказку о „Горѣ-Богатырѣ Косометовичѣ“, которую и началъ я тогда же переписывать“. 27-го ноября: „Читано продолженіе сказки“. 28-го ноября: „Переписывалъ продолженіе сказки“. 29-го: „Отдано продолженіе сказки и дополненіе къ тому, что было уже мною переписано съ тѣмъ, дабы заставить кого у себя все переписать сначала.—Тутъ при чтеніи замѣченъ безрукій старикъ (комендантъ Нейшлота)“. 30-го ноября: „Поднесъ сказку, моимъ секретаремъ переписанную. „Много ли онъ смѣялся?“ спросила императрица“. 1-го декабря: „Два раза призванъ былъ для слушанія продолженія сказки; много смѣялись и спрашивали: „Смѣшно ли?“ 3-го декабря: „Во вчерашнюю сказку вписалъ двѣ прибавки“. 4-го декабря: „Получилъ для переписки 1-й актъ оперы „Горѣ-Богатыря Косометовича“, составилъ арію и весь день упражнялся въ перепискѣ“. 5-го декабря: „Поднесъ 1-й актъ, получилъ благодарность, но приказано выставить арію при валяніи на травѣ, тасканіи взюму и играніи въ свайку; правда, что они были съ натяжкою“. 6-го декабря: „Прочитывали поднесенный мною 2-й актъ; тутъ сказано: „Не надобно такъ говорить о храбрости“, и выкинули слѣдующую арію:

Единой храбростью своею  
Сломить себѣ всякъ можетъ шею;  
Не будь на храбрость тароватъ,  
Во вѣкъ не будешь виноватъ.

„Вмѣсто ея апробована написанная теперь въ пьесѣ и тогда же мною сочиненная арія:

Мы смѣлости не доказали, и пр.

„Получилъ для переписки 3-й и 4-й актъ. Сидя за сею работою цѣлый день, не могъ кончить, однако удалелъ весь 3-й актъ“, 7-го декабря: „Ничего не поднесъ, получилъ 5-й актъ, и извинился, что не успѣлъ додѣлать 4-го (на что императрица замѣтила): „Вчера

былъ праздникъ: не всегда, работать хочется; я сама ничего почти сдѣлать не могла". „Такимъ образомъ подстрекнутый, во дворцѣ еще поутру сочинилъ арію для 4-го акта, и нѣкоторыя для 5-го, а пріѣхавъ домой, кончилъ всю оперу и до семи часовъ вечера переписалъ, однако не ходилъ за столъ обѣдать". 8-го декабря: „Поднесъ всю оперу въ пяти актахъ; оставили у себя. Позванъ послѣ прочтенія, и сказано, что хороши прибавки мои и стихи. Поцѣловалъ ручку. (Императрица сказала): „Она — бурлескъ; надобно играть живѣе и развязнѣе, и въ томъ костюмѣ, какъ играютъ „Мельника". 9-го декабря: „Отдана мнѣ на руки опера „Горе-Богатырь", съ тѣмъ, чтобы поставить на театръ, и съ апробаціи графа А. М. Дмитріева-Мамонова сочинить музыку Мартинію и Ванжурѣ". 11-го декабря: „Позванъ для объясненія объ оперѣ „Горѣ-Богатырѣ", и казались довольны расположеніемъ, мною сдѣланнымъ". 20-го декабря: „Разные вопросы объ оперѣ „Горе-Богатырь", какъ она идетъ и будетъ ли смѣшна?" 27-го декабря: „Былъ разговоръ объ оперѣ „Горе-Богатырь", и сами прочли корректуру всей сказки; кажется, были довольны, ибо я подалъ листки при разговорѣ о томъ, единственно въ доказательство попеченія моего". 28-го декабря: „При волосочесаніи спросили: „Въ которомъ часу проба 1-го акта „Горе-Богатыря?" — Въ 3-мъ въ половинѣ, сегодня. Проба была при графѣ А. М. Дмитріевѣ-Мамоновѣ одномъ и онъ похвалилъ музыку Мартинія". 2-го января 1789 года; „Предъ волосочесаніемъ спрашивать изволили, какъ идетъ опера „Горе-Богатырь", сказавъ, что графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ похвалилъ музыку. — Я видѣлъ пробу двухъ актовъ". 3-го января: „При волосочесаніи еще были вопросы объ оперѣ „Горе-Богатырь". 10-го января: „Былъ разговоръ объ оперѣ „Горе-Богатырь", и на донесеніе мое о болѣзни Мартини, мадамъ Росси и Барановой, сказали, что подлинно „Горе-Богатырь". 19-го января: „Самъ сказывалъ, съ какимъ успѣхомъ идетъ „Горе-Богатырь"; хотятъ видѣть, и я сказалъ, что надѣюсь чрезъ надѣлю показать". 20-го января: „Просился и отпущенъ на пробу „Горе-Богатыря", на которую сама пріѣхала изволила, заставъ половину третьяго акта. Послѣ обѣда привезъ книги, дабы подъ тѣмъ видомъ свѣдать, какъ думаютъ объ оперѣ. Принужденъ былъ самъ начать. Сказали, что хоры хороши, но въ аріяхъ есть много италянскаго". 23-го января: „Былъ на пробѣ, и прислали повелѣніе, чтобы дать „Горе-Богатыря" великимъ князьямъ, и я послѣ обѣда доставилъ манускриптъ ихъ высочествомъ". 24-го января: „Спросили о доставленіи великимъ князьямъ повелѣннаго. Они были въ мысляхъ, и послѣ

сказано, что начали уже читать. — Просилъ на генеральную пробу, и быть общади... Въ 6 1/2 часовъ вечера была генеральная проба въ платьѣ; продолжалась пьеса полтора часа и были довольны<sup>1)</sup>.

Итакъ, приготовленія къ постановкѣ на сцену этой оперы занимали императрицу въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, въ то самое время, когда запутанные вопросы внѣшней политики становились опять болѣе затруднительными, когда участіе Даніи въ войнѣ Россіи съ Швеціей было прервано перемиріемъ, когда Англія и Пруссія рѣшительно заступились за Густава III, и когда послѣдній уже готовился торжествовать надъ оппозиціонными элементами въ Швеціи. Слѣдя съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми этими событіями и за военными дѣйствіями въ Бессарабіи, стараясь по возможности воспользоваться выгодами конфедераціи въ Финляндіи и распоряжаясь въ отношеніи къ продолженію войны, Екатерина тщательно занималась въ то же время своею оперой и не щадя ни трудовъ, ни денежныхъ средствъ для хорошей постановки ея на сцену. Музыку для оперы „Горе-Богатырь“ поручено было сочинить Испанцу Мартини, извѣстному по сочиненію музыки для оперы „Cosa gara“. Тѣ лица, которымъ было поручено устройство балета, декорацій и костюмовъ: пѣвцы и пѣвицы, танцовщики и танцовщицы получили 20.000 руб. Предполагали даже пригласить изъ Парижа гравера для печатанія партитуры этой оперы въ особенно изящномъ видѣ; это должно было стоить 4.000 руб.; но Потемкинъ не желалъ изданія оперы<sup>2)</sup>. Обнародованіе литературнаго произведенія, заключавшаго въ себѣ множество оскорбительныхъ намековъ на личность Шведскаго короля, казалось ему опаснымъ. И безъ того многіе современники имѣли случай познакомиться съ этимъ драматическимъ памфлетомъ.

Театръ въ эрмитажѣ посѣщался иногда посланниками иностранныхъ дворовъ. Когда, послѣ заключенія мирнаго договора съ Швеціей въ Верелѣ, графъ Стединкъ, въ качествѣ шведскаго дипломата, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, то и онъ былъ удостоенъ чести приглашенія къ драматическимъ представленіямъ въ эрмитажѣ. Не болѣе, какъ полтора года до этого происшествія, на той же самой сценѣ явилась карриатура на Шведскаго короля. Когда въ первый разъ давали оперу „Горе-Богатырь“, присутствовали также иностранные дипломаты.

Храповицкій пишетъ 29-го января 1789 года: „Играли „Горе-Богатыря“ и по окончаніи пьесы повторяли его дуэтъ съ Гремидой“.

<sup>1)</sup> См. Зап. Храповицкаго, стр. 106 — 166.

<sup>2)</sup> *Archenholts, Minerva*, I, 74 и 75.

30-го января: „Съ удовольствіемъ отзываться изволила (императрица) о представленіи „Горе-Богатыря“; я заявилъ трусость свою, когда увидѣлъ на театрѣ Кобенцеля (императорскаго посла) и Сегюра. (Императрица на это замѣтила): „Нѣтъ, имъ графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ сказалъ, что спектакли въ эрмитажѣ одинаковы, и они пріѣхать могутъ; Кобенцель заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ, но я будто не примѣчала, и когда спрошенъ былъ Сегюръ, то отвѣчалъ искренно: „Qui se sent morveux, se mouche, et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes“.

Разказъ самого Сегюра не совсѣмъ согласенъ съ этою замѣткою. У него сказано: „Если Шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, обѣщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и государыня немного этому уступала и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно обязаны коронованныя лица. Она приказала сочинить и представить на своемъ театрѣ шуточную оперу, въ которой Густавъ III былъ выведенъ въ смѣшномъ видѣ: онъ явился тутъ какимъ-то удалцомъ, заносчивымъ владыкой. Этотъ искатель приключеній, по совѣту злой волшебницы, взялъ въ какой-то старой кладовой вооруженіе древняго, знаменитаго великана: огромный шлемъ его спускался у него до живота, а сапоги хватили до пояса; изъ этого выходила голова съ двумя ногами безъ туловища. Въ такой бронѣ онъ приступаетъ къ какой-то ничтожной крѣпости, изъ которой выходитъ комендантъ-инвалидъ съ тремя солдатами и своею деревяшкою прогоняетъ героя-шута. Этотъ спектакль не позабавилъ меня, а напротивъ того опечалилъ, и императрица, наслушавшись разныхъ неловкихъ и пошлыхъ комплиментовъ по этому случаю, могла замѣтить по моему молчанію и виду, что я страдалъ за великую, благородную государыню“<sup>1)</sup>.

Оперу „Горе-Богатырь“ нѣсколько разъ играли въ 1789 году. На третій день послѣ перваго представленія ее давали при цесаревичѣ, какъ говоритъ Храповицкій, „очень удачно; всѣ были веселы, смѣялись, били форо хору плачущихъ и дуэту Горе-Богатыря съ Гремиллой, а по окончаніи пьесы, повторенъ еще хоръ плачущихъ и первая арія Гремиллы“. 1-го февраля: „Довольны оперой; сказывали, какъ цесаревичъ смѣялся и просилъ, чтобъ еще посмотрѣть; приказано дать 5-го числа“.

<sup>1)</sup> Mémoires et souvenirs., III, 302 — 303.

4-го февраля вечеромъ пріѣхалъ князь Потемкинъ. На другой день играли при немъ „Горе-Богатыря“. Когда спросили его мнѣнія о піесѣ, онъ сказалъ, что въ отношеніи къ литературному ея достоинству онъ не считаетъ себя компетентнымъ судьей, но что онъ не можетъ одобрить намѣренія императрицы оскорбить короля <sup>1)</sup>. Вѣроятно, этотъ отзывъ Потемкина подалъ поводъ къ тому, что на другой день, 6-го февраля, Екатерина сказала Храповицкому: „Горе-Богатыря“ не дадутъ нынѣ на публичномъ театрѣ“; 25-го же апрѣля онъ записалъ: „Сказано, что можно „Горе-Богатыря“ играть въ Москвѣ, а здѣсь для министровъ иностранныхъ не ловко“ <sup>2)</sup>.

Сочиненная Екатериной опера пользовалась при дворѣ нѣкоторою популярностью. Екатерина съ удовольствіемъ замѣтила, „что великіе князья поютъ всю оперу“. 17-го апрѣля ее давали въ эрмитажѣ, 12-го іюля въ Царскомъ Селѣ, 12-го сентября опять въ эрмитажѣ для принца Нассау-Зигена, возвратившагося въ Петербургъ послѣ славной побѣды, одержанной имъ надъ Шведами при Свенскундѣ <sup>3)</sup> 12/25-го августа).

Содержаніе оперы слѣдующее:

Горе-Богатырь, занимающійся ребяческою игрою въ свайку и вытаскиваніемъ изюму изъ погреба своей матери Локтмети, „много слышался отъ сказальщиковъ о рыцарскихъ и богатырскихъ дѣлахъ“ и желаетъ самъ предпріять такіа дѣла:

Геройствомъ надуваюсь  
И славою прельщаюсь,  
Лобъ спрячу подъ шишакъ,  
Надѣну рыцарски доспѣхи,  
И сильный мой кулакъ  
Въ бою доставитъ мнѣ успѣхи.  
Для богатырскихъ дѣлъ  
Я много думалъ и потѣлъ,  
Хотя же стагъ я храбръ недавно,  
Но будетъ имя славно;  
Пойду я бодръ теперь и гордъ,  
На вѣсть, на звѣдъ, на остъ и нордъ.

Мать не хочетъ отпустить его. Онъ же говоритъ: „Развѣ я не то могу дѣлать и учинить, что другіе дѣлывали? Вѣдь богатыри и рыцари были люди, и я человекъ же; отпустите меня, я надѣлавъ

<sup>1)</sup> *Archenholts, Minerva* 1799, I, 75.

<sup>2)</sup> Записки Храповицкаго, 170, 187.

<sup>3)</sup> Тамъ же, 185, 199, 206.

великія и славныя рыцарскія и богатырскія скосырства, какихъ еще очи не видали, и слухомъ люди не слыхали. Я океанъ-море отъ края до края завуюю со всѣми на ономъ находящимися островами, пустыни и населенными“. Послѣ этого Локмета рѣшается отпустить сына, въ особенности потому, что ее упрашиваютъ барскія барыни, къ которымъ герой и обращается съ слѣдующими словами: „Спасибо вамъ, что вы матушку уговорили меня отпустить; за то я къ вамъ пришлю въ гостиницы куницъ и соболей, и черныхъ, и красныхъ лисицъ, и бархаты, и атласы, и камни, и фаты; и какъ океаномъ-моремъ завладѣю и помрачу славу всѣхъ богатырей, до сего бывшихъ, тогда сдѣлаю для васъ великолѣпный пиръ на берегу океана-моря, на который васъ прошу, и буду васъ подчивать изъ своихъ рукъ богатырскихъ яствами сахарными на столахъ дубовыхъ, покрытыхъ скатертями бранными“.

Екатеринѣ было извѣстно, что Густавъ III приглашалъ шведскихъ придворныхъ дамъ на балъ въ Петергофѣ. Густавъ надѣялся поднять Швецію на такую степень могущества и славы, какой достигла Пруссія при Фридрихѣ Великомъ, его дядѣ. Онъ хотѣлъ завладѣть всѣми островами, то-есть, возвратитъ Швеціи земли, принадлежавшія ей при Густавѣ-Адольфѣ. Бывъ въ Финляндіи и открывъ военныя дѣйствія, Густавъ, по свидѣтельству одного изъ своихъ современниковъ, въ депешѣ къ своимъ министрамъ въ Стокгольмѣ выразилъ надежду, что въ продолженіе шести недѣль займетъ всю Финляндію <sup>1)</sup>. Хвастовство его могло справедливо вызвать колкости. Родомонтады Горе-Богатыря были особенно смѣшными, потому что средства, которыми располагалъ король, были незначительны.

Горе-Богатырь выбираетъ себѣ боеваго коня; объ этомъ разказываетъ его щитоносецъ Торопъ слѣдующее: „Приказалъ лошадей осѣдлатъ, и вывели ему аргамака черногриваго, но сей началъ вертѣться, зубами кусать, передними ногами топтать, а задними лягать на всѣ стороны, такъ что Горе-Богатырь къ нему и приступить не смѣлъ“. Потомъ „привели коня черкесскаго; Горе-Богатырь ногу въ стремя поставилъ, какъ-то неосторожно тронулъ коня ногою въ бокъ; конь былъ щекотливъ, кинулся на правую сторону, а Горе-Богатырь упалъ на другую.... Не полюбился ему черкесскій конь, вывели ему третью; та показала ему крѣпкоузда и пужлива; наконецъ, выбралъ себѣ какуя-то мезенскую клячку съ ходой и пожаловалъ ее въ бо-

<sup>1)</sup> *Archenholts, Minerva*, 1798 г., IV, 476.

гатырскіе кони". Затѣмъ Громкобай показываеъ ему въ кладовой шишакъ Яруслана Лазаревича, а Торопъ спрашиваетъ: „Не великъ ли тебѣ будетъ?“ Дѣйствительно, шишакъ гербу по колѣни, и Кривонозгъ смѣется: „Эхъ, сударь, едва не весь ты ушелъ въ шишакъ, такъ онъ для тебя великъ“.

„Горе-Богатырь. Не та бѣда, что великъ, да севозъ не видать, глаза закрываетъ; велю дыры провертѣть, чтобы видно было, когда его вздѣну.

„Громкобай. Тутъ на стѣнѣ виситъ мечъ-кладенецъ Ивана Ахридѣича.

„Торопъ. Вотъ, сударь, штука, подниметка, буде сможешь.

„Горе-Богатырь. Какъ не поднять? (*Объими руками на силу поднимаетъ*). Мечъ-кладенецъ очень широкъ и длиненъ; призовите ко мнѣ шпажника, я велю его кругомъ уже и короче опилить.

„Торопъ. Жаль такую старину портить.

„Громкобай. Не изволишь ли посмотрѣть палицу двѣнадцати-пудовую Петра златыхъ ключей.

„Горе-Богатырь. Прикажи ее перековать, чтобы мнѣ по рукѣ была.

„Громкобай. Да какой же дать ей вѣсъ?

„Горе-Богатырь. Полегче какъ-нибудь.

„Торопъ. Принеси ее къ намъ, болѣе похожую на свайку, нежели на палицу боевую.

„Кривонозгъ (*про себя*). Переломаетъ онъ всю сбрую богатырскую, и со всѣмъ тѣмъ она ему еще не по силѣ и не по праву будетъ. (*Отводитъ Горе-Богатыря на сторону*). О чемъ, сударь, ты такъ много заботишься? Вѣдь дѣло твое въ томъ, чтобы доспѣхи казисты были? Послушай мой совѣтъ, дай намъ волю; мы сдѣлаемъ тебѣ для легкости латы изъ картузной бумаги и выкрасимъ желѣзнымъ цвѣтомъ; а вмѣсто шишака со ржавчинами, сошьемъ тебѣ косую пушистую шапочку на хлопчатой бумагѣ съ журавлиными перьями разныхъ цвѣтовъ, и ты будешь и казистъ, и вѣло гѣпень.

„Горе-Богатырь. Хорошо“, и т. д.

Тщеславіе Густава III, дѣйствительно, заставляло его обращать особенное вниманіе на наряды и внѣшніе знаки отличія. Онъ любилъ заниматься составленіемъ проектовъ объ учрежденіи новыхъ рыцарскихъ орденовъ; самъ рисовалъ изображенія такихъ украшеній, костюмовъ для театра и т. п. <sup>1)</sup> Во время похода онъ одѣвался въ

<sup>1)</sup> Gustaf's III hinterlassene Papiere, I, 124.

шелковое платье на подобіе рыцарей среднихъ вѣковъ, и носилъ башмаки съ разноцвѣтными лентами и т. д. По случаю взятія одного русскаго знамени онъ велѣлъ устроить пышный церемоніалъ; рыцарскіе турниры и другія увеселенія этого рода забавляли его во время самыхъ серьезныхъ моментовъ похода <sup>1)</sup>. Живые и восхвалявшіе безпредѣльно славу шведскаго оружія бюллетени о битвахъ съ Русскими были дѣйствительно смѣшны. Несоразимность между слишкомъ смѣлыми надеждами и предположеніями Густава, съ одной стороны, и результатами похода 1788 года, съ другой, подавала самый удобный поводъ къ насмѣшкамъ.

Въ третьемъ дѣйствіи оперы начинается рядъ мнимо-геройскихъ подвиговъ Горе-Богатыря. На открытомъ полѣ лежитъ герой и поетъ:

Пусть лошадка отдыхаетъ,  
Рыцарь руки расправляетъ,  
Брѣвно топаетъ ногой,  
Шапочку на глазъ надвинетъ,  
Глазомъ косо лишь окинетъ,  
Всѣхъ враговъ согнетъ дугой.

*Кривонозъ.* Будетъ ли такъ или нѣтъ, еще неизвѣстно; но не нравится мнѣ то, что ты лишь только со двора успѣлъ съѣхать, какъ изъ ближняго переулка подулъ вѣтръ и косую пушистую голубую шапочку, со множествомъ журавлиныхъ перьевъ разныхъ цвѣтовъ, вихри подхватилъ и кинулъ чрезъ кровлю на дворъ немощенный въ грязь<sup>2)</sup>, и пр.

Продолжая свой путь, храбрые рыцари замѣчаютъ избушку, у которой сидитъ безрукій старикъ, храбро нападаютъ на послѣдняго и требуютъ пищи:

*Горе-Богатырь.* Ну, братцы, помогайте,  
Избушку осаждайте,  
Мы дружески теперь  
Пробьемъ плечами дверь;  
Тогда, прійдемъ къ обѣду  
И воспоемъ побѣду.

*Кривонозъ и Торопъ.* Тебѣ мы рады помогать,  
Пока не будутъ насъ толкать,  
И бить по шеѣ кулаками,  
Вѣдь не здоровы мы спинами.

*(Горе-Богатырь съ Кривонозомъ и Торопомъ, обнажа мечи свои, хотѣтъ насильно войти въ избушку, но старикъ, стоя въ дверяхъ и имея только*

<sup>1)</sup> См. между прочимъ *Арита*, Schwed. Gesch., *Поселита* и др.



*съ рукахъ ухватъ, колотитъ своихъ непріятелей и обращаетъ ихъ въ бѣство).*

*Старикъ.* Безсмертія не покупаютъ,  
Героевъ въ Стиксѣ не покупаютъ,  
За деньги славы не даютъ  
И рыцарей шальливыхъ бьютъ.  
Побилъ и далъ имъ раны многи;  
Но гнать за ними плохи ноги;  
Однако способъ я сыщу,  
За ними съ цѣпи пса пущу“.

Подобно этому Шведы не могли взять Нейшдотъ и Фридрихсгамъ и должны были отступить. Незначительныя средства Русскихъ при оборонѣ довольно справедливо изображаются въ лицѣ безрукаго старика; впрочемъ, неудача Шведовъ при осадѣ этихъ крѣпостей должна быть приписываема не трусости Шведовъ, а внутреннему раздору въ ихъ лагерь. Большинство не хотѣло войны. То же самое мы видимъ и въ оперѣ: товарищи Горя-Богатыря нехотя отправились въ походъ и уже въ самомъ началѣ похода стараются напугать героя и заставить его вернуться. Такъ, шведскія войска уже въ Свеаборгѣ нарушали правила дисциплины, оказывали неудовольствіе и готовили мятежъ.

Въ четвертомъ дѣйствіи оперы Громкобай, Кривомозгъ и Торонъ составляютъ планъ, какимъ образомъ склонить Горю-Богатыря къ возвращенію къ матери:

*„Кривомозгъ.* Пойдемъ по разнымъ дорогамъ по лѣсу и начнемъ улюлюкать, какъ будто медвѣдь натечетъ на насъ, а потомъ затрубимъ въ рогъ. *(Всѣ трое улюлюкаютъ, отходя за кулисы, и шрубятъ съ рогъ, будто на травляя медвѣдя).*

*„Горю-Богатырь (прибѣгаетъ запыхавшись).* Это медвѣдя травятъ... Я опасася, чтобы медвѣдь, выбѣжавъ отъ насъ, не сталъ бы меня ломать: взлѣзу я на дерево, и сидѣть мнѣ тамъ неподвижно“. *(Взлѣзаетъ на дерево, за кулисами слышна травля).*

*„Кривомозгъ.* Что ты, Горю-Богатырь, сидишь, какъ птица на деревѣ? Теперь ли время гнѣзда свивать? Съ права идуть костюлоты, съ лѣва лѣшия, а по срединѣ колдуны во множествѣ; они же всѣ верхами идуть на осинахъ, и если ты не сойдешь съ дерева и не пойдешь скорѣе по той дорогѣ, которую мы тебѣ укажемъ, то ты проващій человекъ“.

Такимъ образомъ Горю-Богатырь рѣшается возвратиться домой.

*„Горю-Богатырь.* Братцы! Какъ же намъ показаться въ городъ, и что про насъ скажутъ?

*„Кривомозгъ.* Мы скажемъ, что старика и костюлотовъ, и лѣшихъ, и колдуновъ мы побѣдили; кому между нами разбирать“.

„Горе-Богатырь. Теперь только одна у меня на сердцѣ забота, чтобы латы мои богатырскія повѣшены были въ видномъ мѣстѣ; что съ нами было, то и умереть съ нами, а глѣше не болтуны, настоящаго дѣла не скажутъ.“

„Громкобай. А больше бѣды не будетъ, какъ разгѣ со временемъ мыши съѣдятъ твои латы, но то случается и съ описаніемъ славнѣйшихъ дѣлъ“.

Такъ было и на самомъ дѣлѣ: войско Густава само принудило его возвратиться въ Швецію изъ финляндскаго похода; намѣренно распространяли ложные слухи о приближеніи со всѣхъ сторонъ значительныхъ отрядовъ русскихъ войскъ. То говорили, что 20.000 человекъ приближаются изъ Петербурга, то разказывали о двѣнадцати-тысячномъ отрядѣ, приближающемся, будто бы, со стороны Вильманстранда. Графъ Армфельдъ писалъ своей женѣ, что офицеры разказываютъ солдатамъ о большомъ войскѣ, сформированномъ императрицей изъ 30.000 старыхъ бабъ, одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры <sup>1)</sup>. Значительная разница, впрочемъ, между содержаніемъ оперы и дѣйствительными событіями войны заключалась въ томъ, что хотя конфедераты и старались дѣйствовать на шведское войско и надувать солдатъ, самъ Густавъ очень хорошо зналъ, что биться было нечего. Обиженіе Густава въ малодушіи и трусости есть *licentia poetica*, допущенная авторомъ оперы. Густавъ довольно часто имѣлъ случай выказать необыкновенную храбрость, отчаянное мужество и силу духа. Такіе случаи, впрочемъ, встрѣчаются особенно въ 1789 и 1790 годахъ, тогда какъ въ походѣ 1788 года военныя дѣйствія, въ которыхъ участвовалъ самъ король, были незначительны и скоро кончились вслѣдствіе образованія конфедерации въ Анжаль. И въ минуты самыхъ отважныхъ государственныхъ переворотовъ, и на полѣ битвы, Густавъ всегда отличался хладнокровіемъ и презрѣніемъ къ опасности. Въ этомъ отношеніи онъ не заслуживалъ ни малѣйшаго упрека. Зато онъ довольно часто являлся хвастливымъ и тщеславнымъ; любилъ громкія фразы и пышныя выраженія, въ особенности говоря о своихъ подвигахъ и о своемъ образѣ мыслей.

По возвращеніи домой Горе-Богатырь поетъ:

Могу безъ хвастовства сказать,  
Дѣлъ кучу храбрыхъ доказать;  
Низринуть множество ошотовъ,  
Вездѣ и всѣхъ я побѣдилъ,  
Прогналъ, разсипалъ и побилъ  
Медвѣдей, костоготовъ

<sup>1)</sup> *Gabriel Rein*, *Kriget i Finland åren 1788*, se. 71; *Malmanen*, *Anjala Strundet*, 90.

И гѣшихъ съ колдунами;  
Они вѣдь защищали  
И море съ островами,  
Но всѣхъ повергъ—и пали!  
О томъ спросите насъ,  
Вотъ три свидѣтеля для васъ.

А въ заключеніе хоръ:

Пословица сбылась:  
Сницца поднялась,  
Вспорхнула, полетѣла  
И море зажигать хотѣла,  
Но море не зажгла,  
А шуму сдѣлала довольно!).

Такъ забавлялась Екатерина II во время войны съ Густавомъ III. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ перваго представленія этой оперы на эрмитажномъ театрѣ, какъ уже былъ заключенъ миръ съ Швеціей. Императрица писала Шведскому королю, что теперь уже ничто не будетъ препятствовать сохраненію дружбы и согласія между нею и Густавомъ.

Однако шведскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Стединкъ, узналъ, что Екатерина сочинила оперу, въ которой Густавъ былъ осмѣянъ. Стединкъ написалъ объ этомъ королю и выразилъ надежду доставить ему одинъ экземпляръ этого литературнаго произведенія<sup>1)</sup>. Намъ неизвѣстно, удалось ли Стединку приобрѣсти это сочиненіе, или нѣтъ. Теперь и шведскаго посланника, какъ и другихъ дипломатовъ, стали приглашать на драматическія представленія эрмитажнаго театра, но разумѣется, „Горе-Богатырь“ совершенно исчезъ изъ репертуара.

#### А. Брикнеръ.

<sup>1)</sup> Сочиненія Екатерины II, изд. Смирдина, I, 429—459.

<sup>2)</sup> *Stedingk, Mémoires*, I, 294: «On m'a assuré que dans ce temps-là elle (императрица) avait écrit une comédie contre votre majesté, qui a été jouée dans l'intérieur. Je voudrais pouvoir procurer cette pièce à votre majesté, mais cela sera difficile».